

Роман
Федоров

Смерть
женщины
№3

Роман Федоров

Смерть женщины №3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24611580

ISBN 9785448524837

Аннотация

Эта серия рассказов покажет вам жизнь и смерть трех замечательных женщин. Вы наверняка не раз сталкивались с ними и точно знаете их имена. Теперь у вас будет возможность взглянуть на них под немного другим углом. Его градус дано выбрать исключительно вам, каждому свой. Никакой драмы. Ведь трагедия для одних легко обращается в комедию для других. Только вам выбирать, что увидеть и почувствовать. Что счесть эталоном глубокого смысла, а что – пустой беллетристикой. Где посмеяться, а где заплакать.

Содержание

Эхо в тебе

5

Конец ознакомительного фрагмента.

17

Смерть женщины №3

Роман Федоров

Дизайнер обложки Роман Федоров

© Роман Федоров, 2017

© Роман Федоров, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4485-2483-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эхо в тебе

Предисловие

Когда то звезд на небе не было... Человеку не дано понять всей глубины их смысла и существования. Есть множество легенд, которые стремятся поведать нам о рождении этих небесных светил. Моя версия, наверное, не самая правдоподобная и может даже где то повторяется, но уверяю вас, для себя я открыл ее впервые.

Звезды – это обиды, которые мы причинили самым любимым и дорогим для нас людям. И чем ярче звезда, тем больнее обида. Ярче всего жгут обиды причиненные, казалось бы, не нарочно, не подумав. Такие звезды, как путеводные, как указатель. Они пытаются докричаться до людей, заставить их подумать и оглянуться. Но люди, что воробьи – маленькие, глупые и слепые. Они не смотрят в небо и не слышат этот крик. А звезды вопят, и скулы им сводит от досады и обиды... всем на них наплевать.

Бывает, про их существование просто напрочь забывают. Живут себе, не думая и все казалось бы хорошо, но не дает что-то ночью покоя. Когда долго лежишь и не можешь уснуть. Думаешь о чем-то, и мыслями выжигает небо. И становится так светло в комнате... это звезды, звезды людей ушедших, и тех которые еще рядом, кото-

рые еще терпят, но также само могут уйти.

Ушедшие в ночь, все кого мы любили и любим, они там, смотрят на нас и плачут. И только Луна всем нам Бог и судья, и только мы виновны в том, что делаем.

Звезда может уйти за тучи, но рано или поздно, она выйдет, вернется. А погасить ее невозможно. Сама по себе она, конечно же, может погаснуть, но только тогда, когда раненый обидой человек... умрет. Но и после смерти некоторые обиды живут, и язвенными ранами покрывают небо.

Ты можешь накрыть звезду собой...

Бывает состояние, когда ищешь тишину, что бы проблемататься, что бы тебя никто не слышал и не видел. Вставить два пальца в рот и освободить все, что тебя травит, вывернуть всю кишечную боль наружу. Но когда кто-то стоит рядом под дверью, то делать это крайне неприятно. Стесняешься, боишься. Боишься, что кто-то просто услышит и попытается чем-то помочь тебе. Хорошо, если пройдет мимо, но, все же... попытавшись помочь, этот человек сам тонет в твоей кишечной боли, доставляя только больше страданий и себе и тебе. И только один человек сможет выслушать все это, не боясь вымазаться, еще и тебя вытереть. Такой человек появляется раз в жизни, прозевав его, или просто зайдя не в ту дверь, ты теряешь все. И остаешься навеки на коле-

нях и в слезах, перед глубокой, почти бездонной дырой в кафеле, наполненной человеческой болью и отчаянием.

Этот человек чувствуете сразу, ваши дороги обязательно пересекаются, главное – не бояться проложить новую тропинку, напрямую друг к другу. Потерять такого человека, равносильно потере самого себя и своей жизни. Таким как могло бы стать оно уже никогда не станет, никогда уже не будет так хорошо, как было хорошо впервые в жизни. Человек, сделавший тебя впервые по-настоящему счастливым, уходя, уносит это счастье с собой...

«Такие мрачные и пропитые облака. А я все равно их вижу...» – подумал он, подкурив сигарету. Но все же что-то тянуло его к небу ночного города. С балкона он вернулся обратно в комнату. Так и не докурив, бросил бычок на старое кожаное кресло. Это была далеко не первая и может даже не последняя сигарета. Все ее предшественницы лениво и грязно в виде окурков толпились повсюду в этой обители отчаяния. Как икона в этом храме сияла на столе початая бутылка шампанского. Рядом стояли две тарелки, столовые приборы и в таких же окурках, как и кресло, остывшая индейка.

Больше он не выронил ни слова. Все что мог он уже сказал тремя часами ранее. Теперь ему просто сушило горло. Лицо сжалось в одну единую гримасу, и было сложно уловить в ней хоть какую-то эмоцию. В остальном все было по старому: те же ребра светящиеся сквозь рубашку и те же холодные

до оцепенения руки. Так же немо, как и всегда, где-то далеко играла музыка. За почти фанерными стенами опять, и в который раз за день, ссорились соседи. Очень милые, но очень несчастные. Нет, не только они... я обо всех людях.

Когда ты на краю о смысле как то не очень думается. Вся логическая цепочка бытия рушится, так же, как и нелогичность ее существования.

Ночь уже близилась к утру. Часы, минуты, моменты... все слилось в единую какофонию. На фоне всего этого только глухая музыка из-за стен оставалась более или менее отчетливой.

Он медленно и очень аккуратно сдирал этикетку с бутылки водки. Она непонятно зачем стояла в холодильнике уже не первый месяц. Жадно поглядывая на плескающуюся внутри жидкость, он содрал чуть больше чем половину этой лживой бумажонки, а все остальное вместе с полной, закрученной бутылкой сквозь стекло улетело в окно. Мимолетный грохот и

звон стекла заполнил комнату. Секунда, две... опять тихо. Кому то это могло бы показаться моментом полной внутренней свободы, когда тело дрожит от удара но душе глубоко все равно, ибо она уже разучилась что-либо чувствовать. Как знать, о чем думал человек в этот момент. Может именно об этом, а может просто о старом прожженном кресле. Точно этого сказать нельзя. Он просто шел, и шаг его ставал тем увереннее, чем ближе он подходил к своей ста-

рой серой шкатулке. Там он хранил все самое ценное. Все, что было накоплено за недолгую жизнь на земном прахе. Немного порывшись в недрах своей сокровищницы, он добыл из нее старую ручку. Обычную шариковую ручку. Все надписи на ней были уже давно стерты. То ли нарочно, то ли просто беспощадно убиты временем и силой трения. Силами наполнен мир и силами он движим – одна из вредных мыслей возникающая в больном мозгу. От чего может болеть мозг? От тех же заразных мыслей и тех же недоеденных косточек старых и несбывшихся мечтаний. О чем можно мечтать сидя на краю пропасти? Думаю ответ известен только тем, кто уже внизу... О чем можно мечтать сидя на подоконнике открытого окна, свесив ноги наружу? Спросите у него. Он сидит и что-то с хрустом выводит на куске этикетки. Отдельные буквы медленно перебегают в слова, а те стекаются в короткие предложения. И целой вечности было бы мало, чтобы описать ту слезинку напряжения в уголке его глаза. Она, казалось, была идеальная. Все цвета радуги переливались на ее поверхности. Но как жаль, ее мог увидеть только лишь сам создатель. Но ему сейчас было не до этого – водочная этикетка пленила его разум.

Он бы мог писать и писать, и его слова, уж поверьте, нашли бы своего адресата, но, этот убогий листочек так глупо и внезапно закончился, что сам Чехов позавидовал бы. Черная сажа ручки плотно заполнила текстом все поле баталии. Дрожавшие руки медленно отложили плод страданий в сторо-

ну, а глаза сами собой поднялись в небо. Его всего трясло...

Было еще темно, но утренний морозец уже плотно ложился на землю. Он забрал этикетку и пошел обратно в сторону комнаты с балконом. Словно опасаясь что-то забыть, он шел, и все время нашептывал себе под нос, какие-то слова. Они звучали глухой молитвой, молитвеннее них была разве что та музыка, которая еще доносилась через фанерные стены дома.

Его уже не удивляли бесы в голове. Босые ноги все шлепали и шлепали паркетом к своей цели. Следами окурков и пыли он пришел к балкону. Понятия не имею, чем его не устроило большое окно с подоконником, где он сидел ранее. Может он хотел быть ближе к звездам...

А тучи все никак не сходили...

Они налезли повсюду, и заполнили собой все видимое пространство. Он посмотрел в небо. Шепот снова разорвал плотную спайку его губ. Шаг, шаг, еще один...

Он умел... он видел звезды сквозь тучи...

Прости меня, я опять закурил.

Безумно тебя лю...»

но ты обязательно сгоришь

Все идет в одно место: все произошло из праха и все возвратится в прах. (Еккл.3:20)

Он продал все, что у него было, вернее все, что осталось. Все что у него было, он потерял чуть раньше. Просто жизнь без нее теряла всякий смысл. Солнце путалось в ее волосах, а губы горели от его лучей. Она никогда не прикрывала ноги. Знала, что они ему безумно нравятся, но знала ли, что почти каждую ночь, когда есть такая возможность, он смотрит на них как маньяк, пока не падает от бессилия? Знала ли она, что по ночам он не спит от страха... потерять ее. Конечно же, она все знала. И ценила его, он был для нее всем. Как и она для него...

жизни часто встречаются многоточия, бывают, и запятые. Но, чаще всего, мы видим точки. Маленькие и чуть больше. Как родинки... как будто капли шоколада, упавшие с неба на ее молочное тело. Волосы были, к сожалению не съедобными, но ними можно было любоваться часами без малейшего перерыва. Перебирать их, мять, чувствовать, как их запах щекочет все клапаны сердца. А губы... их дико хотелось съесть, но еще больше хотелось поместить на картину да Винчи. Стать на минуту создателем, и сотворить Еву по ее образу... добавить в слово «ее» еще одну букву «е»... стран-

ные желания, странные многоточия, еще более странный он. Он любил свою жизнь... точнее ее... она была его жизнью.

Говорят, самые близкие, страдают от тебя больше всего. Пусть не нарочно, но ты вгоняешь им лезвие в сердце. И так всегда, этого не избежать. Но он нашел выход, он обломал свое лезвие. Правда, было слишком поздно – чередой многоточий дробью пробила ее тело. Доктор сказал бы, что задело жизненно важные внутренние органы. Отдать для нее почку или правое легкое не было вопросом. Отдать сердце – вот чего он хотел. Но как всегда не подумал, как всегда сделал поспешные выводы. Зачем ей сердце, разбитое об асфальт? Она любила его живого...

Спать и не видеть сны, смотреть сквозь сомкнутые веки на ночное небо. Вы пробовали? А он мог. Он видел эти звезды, они выжигали, они всегда выжигают своих создателей, высушивают лужи крови от их смятых тел. Звучит мрачно, но асфальт шкварчит от их лучей. Ты думаешь что можешь, думаешь, что переживешь, но... большое «но». Ты все еще любишь.

Герой был не на героине, а на земле. Его сотворили из праха, и все вернулось на свои круги. Грязные лужи, сломанные цветы. По нежных и мягких лепестках стекала кровь. Кровавый выдался июнь. А может и сентябрь. Но откуда быть в сентябре таким ярким цветам на клумбах? И почему молодому, валяться на земле, хотя нет войны, которая б его скосила?!

Он еще дышал, и ему было глубоко наплевать какой сейчас месяц, год и лунная фаза. Ему хотелось найти ее, подбежать, поцеловать. Но она была очень далеко, та и он навряд ли бы смог встать. Разбитая материя из осколков звездной пыли... она теперь лежала на земле и хотела обратно в небо. Но душа была сильнее и душа хотела к ней. Удар за ударом сердце отбивалось от наглой смерти, а веки прочищали мутные глаза. Удар за ударом дождь пробивал асфальт, и ровными струями сложил в нем всю свою печаль, которая так неумолимо язвила его тело.

После удара стрелки на часах застыли на отметке 3:20. Сакрально и свято.

Маленькие, нежные руки, тонкие пальцы, которым всегда хотелось выглядеть крупнее, чем они есть на самом деле, и та самая боязливая дрожь. Все это было таким родным, таким теплым. Это было что-то свое, нечто, что так притягивало к себе, от чего во все стороны исходил внеземной магнетизм. Что-то, данное свыше, частичка себя самого, они были здесь, они были рядом...

Маленькие и глупые мотыльки любят лететь на огонь. Туда, где их непременно ждет смерть. Но огонь ли это? Может просто ночь, своей лунностью свела какого то незрячего с ума? И он кричит теперь с площадей, какой-то неведомой силе, о незримом огне, который человеческий разум еще не постигал. Может и так. Ибо не каждый огонь горит зримо, и не каждый может ним обжечься.

Ты обносишь кусок земли девятиэтажной бетонной оградой, вешаешь на нее плазму, фотографии как бы близких тебе людей, в конце концов иконы, и называешь «это» своим домом. И даже одеваешь на себя убитую лису в виде шубы, тебе здесь не станет теплее. Бетон не греет! Ау-у!

Дом там, с кем тебе хорошо. А стены, при потребности, возникнут сами вокруг тебя. И защитят, и прикроют. Но поверь, хорошо не «там», а «с кем».

Вот какой дом нужно беречь от пожара, вот что нужно строить без единого гвоздя. Впрочем, каждый из нас чего-то не понимает в жизнь, как и она в нас. Да-да, мы соприкасаемся с миром, он на нас реагирует. И может, когда мы наговариваем на жизнь, она что-то подобное в ответ кричит и нам. Просто мы еще не нашли с ней общий язык.

Согласитесь, ведь глупо в чем-то очень коротком, заикливаться на чем-то одном, если это конечно, не самая важная истина. Истина это стержень, ось планеты, а вокруг танцует все приходящее и уходящее. У каждого своя истина, каждый делает стержнем что-то свое. А все вокруг – это наполнение, то, что можно с легкостью поменять. Как, например, тему разговора. Вот я говорил о бетонных стенах, а тут уже речь зашла об истинах. И вряд ли кто-то на моменте перехода вспыхнул негодованием, ибо для большинства главной является суть, стержень, а не наполнение. Всем хочется докопаться до той или иной сути, но поменяв хотя бы одну букву в слове, некоторым сделать это будет в разы сложнее.

Не волнуйтесь, все мы в жизни чего-то не понимаем, все мы дико и страшно ошибаемся...

– Померла таки старуха – оборвал казалось уже вековую тишину голос одного из копачей.

– Да, вчера еще вечером похоронили. Дождь такой валил, думали, могилу всю затопит. Дороги размыло, ни пройти, ни проехать. Сегодня уже, благо, спокойнее все.

Копачи присели на скамейку перед свежей еще могилкой. От нее до сих пор веяло человеческим теплом, хотя «человеческое» внутри ее уже весьма активно разлагалось.

– А жаль все таки старушку. Сколько ее помню, все время одна жила. Ни мужа, ни детей.

– Та, вроде, был же у нее по молодости жених. Не помню только, почему у них не сложилось ничего. Видать после того она и не оправилась.

– Ну как не сложилось... Умер он. Своей волей, или помог кто-то, этого уже точно не сказать. Нашли мертвым и все. Пути Господни неисповедимы.

– Да-а... Может слышал, парень молодой вчера с окна выпрыгнул. Что тогда, что сейчас, молодые гибнут страшно.

– Так что он, насмерть разбился?

– Та откуда же я знаю. По чем купил, по том и продаю. Там кто-то рядом проходил, вроде как скорую помощь вызвали,

и увезли его. Больше ничего не скажу.

– Что за дураки такие. Эгоизм высшей степени.

Хотя копач и возмутился, это было явно наигранно. Какое ему дело до чьей-то судьбы, которая скоро вполне реально могла стать его работой. Немного посидев, оба поняли, что их диалог зашел в тупик. Накал молчания вскоре пережег вольфрамовую нить между ними и оба, пожав друг другу руки, ушли восвояси. Осталась здесь только старушка. И еще сотни таких же одиноких и полутеплых как она. Удивительно, но это самая логичная концовка нашей жизни. Ничего лишнего, тонко и хладнокровно.

Наутро полицейские уже переворачивали вверх дном и так разодранную квартиру. Выжженный окурками воздух, ломаная мелодия из-за стен. Все что здесь было, ветер уже унес в окно. Смотреть было не на что. К слову асфальт под окнами уже был чист. Дворники с раннего утра хорошо поработали и совершенно ничего не оставили полицейским. Опрос соседей тоже ничего не дал. Как будто никто и не знал о существовании здесь, за стеной живого человека. Могло показаться, что человек просто пропал без следа. Но след, как оказалось, был.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.